

А. ЛАЗАРЧУК
М. УСПЕНСКИЙ

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ЧУМА

ГИПЕРБОРЕЙСКАЯ ЧУМА

Гиперборейская чума

Михаил Успенский

Гиперборейская чума

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Успенский М.

Гиперборейская чума / М. Успенский — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Гиперборейская чума)

«Гиперборейская чума» — вторая часть знаменитой одноименной трилогии Андрея Лазарчука и Михаила Успенского. Это удивительная смесь мистического реализма, альтернативной истории и круто замешанного детектива. В этом романе нет Николая Гумилёва, но его присутствие ощущается буквально на каждой странице. Но зато главный герой здесь — неукротимый и неубиваемый Коломиец, подобно легендарному Зигфриду, тоже искупавшийся в крови дракона. Но вот желающих попробовать убить будет уж очень огромное множество...

© Успенский М.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

1	6
2	11
Из записок доктора Ивана Стрельцова	15
3	19
Из записок доктора Ивана Стрельцова	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Андрей Лазарчук, Михаил Успенский

Гиперборейская чума

КАССАНДРЕ

*Я не искал в цветущие мгновенья
Твоих, Кассандра, губ, твоих, Кассандра, глаз,
Но в декабре – торжественное бденье —
Воспоминанье мучит нас!
И в декабре семнадцатого года
Всё потеряли мы, любя:
Один ограблен волею народа,
Другой ограбил сам себя...
Но, если эта жизнь – необходимость бреда,
И корабельный лес – высокие дома —
Лети, безрукая победа —
Гиперборейская чума!
На площади с броневиками
Я вижу человека: он
Волков горящими пугает головнями:
Свобода, равенство, закон!
Касатка, милая Кассандра,
Ты стонешь, ты горюшь – зачем
Стояло солнце Александра
Сто лет назад, сияло всем?
Когда-нибудь в столице шалой,
На скифском празднике, на берегу Невы,
При звуках омерзительного бала
Сорвут платок с прекрасной головы...*

О. Мандельштам

У вечности ворует каждый...

О. Мандельштам

1

В первый понедельник апреля 1998 года все пассажиры станции метро «Сокол», неподалёку от которой родился автор знаменитого душедробительного шлягера «Ласточка-птичка на белом снегу», были объаты таким волнением, словно неожиданно для себя приняли участие в съёмках очередной серии походов какого-нибудь Стреляного, Меченого, Уколотого или Ответившего-За-Козла. Если не брать в расчёт именно нарочитые зрелища, то привлечь в наши дни внимание честной публики к любого рода инцидентам довольно трудно: мужчины, как более ответственные, стремительно отворачиваются, смотрят под ноги и на плафоны, устремляются без необходимости в переходы и забиваются в щели настолько узкие, что потом приходится с немалой силой раздвигать киоски, чтобы вынуть незадачливого уклониста. Женщины же, никогда не рассмотрев толком, в чём, собственно, дело, начинают нести правительство.

Такие уж это были времена: президент воевал с парламентом, а объединившись, они воевали с народом; олигархи гоняли национально-мыслящих предпринимателей и получали в ответ; церковь ополчилась на телевидение, комсомольцы-бомбисты – на статуи; правительству велели пока сидеть в кабинетах, но быть готову в любой момент переменить место; расходы населения неуклонно превышали его же доходы, а бедность достигла таких масштабов, что деньги вместо кошельков и бумажников привычным стало носить в картонных коробках. Были ещё бомжи и чеченцы, братва и нацисты, ОМОН и РЮОПП, а также какие-то таинственные, а потому невыразимо страшные «крысятники», – и кто с кем сражался на улицах и площадях, взрывал лимузины, лифты и вагоны, простой обыватель предпочитал узнавать из газет и репортажей мобильного ТВ, где среди репортёрш высшим шиком считалось вести репортаж, поставив изящную ножку на голову трупa...

Появление на платформе высокой и крепенькой девицы с рюкзаком за плечами вначале вызвало просто лёгкий эстетический шок.

Представьте себе центральную фигуру с картины Питера Пауля Рубенса «Союз Земли и Воды», помолодевшую до восемнадцати лет, ростом с центровую баскетбольной команды «Уралочка», одетую в расстёгнутую полушубейку из таких соболей, что даже некоторые мужчины смотрели не на рвущуюся далеко вперёд грудь, а только и исключительно на шубу, не замечая грубости швов и нелепости покроя. На голове, лихо сдвинутая на затылок, чуть держалась огромная соболья же ушанка, к которой сзади пришит был кусок джинсовой ткани, взятый с коленки. Достаточно бесформенная юбка в крупную серо-буро-малиновую клетку казалась дикой, и лишь большой знаток распознал бы цвета клана Маклаудов – и, может быть, поостерёгся. Но знатоков в толпе не случилось... Ноги девы обтягивали чёрные сапоги-чулки с лаковыми головками и на чудовищной платформе – ровесники сигарет «Союз-Аполлон» и песни «Арлекино». Но от стáтей и прелестей девушки взгляд неизбежно переползал чуть назад, на исполинский рюкзак, какого никто из живущих никогда не видел и уже не надеялся увидеть.

Вряд ли создатель этого рюкзака рассчитывал, что его изделие будут использовать по прямому назначению – подобно тому, как мастер Андрей Чохов отливал свою Царь-пушку для вечности, как на цеховых праздниках бондари сооружали невиданные бочки, а сапожники тачали великанские сапоги. Но не только и не столько величиной поражал рюкзак. Десятки карманов и карманчиков, пистонов и клапанов покрывали его в совершеннейшем беспорядке, повсюду болтались концы ремней и шнуровок, кожаные и джинсовые заплатки украшали его, как шрамы украшают лицо бурша. В промежутках между заплатами виднелись чьи-то автографы, и вряд ли они принадлежали людям заурядным. Странная желтовато-рыжая окраска рюкзака вроде бы не бросалась в глаза сразу, но спустя какое-то время начинала вызывать нервный зуд – как будто где-то проводили по стеклу расчёской. Довершало картину небольшое почерневшее весло, притороченное к рюкзаку сбоку.

В левой руке девушка несла помятый пятилитровый алюминиевый бидон с замотанной чёрной изолентой горловиной, а в правой – изящную продолговатую замшевую сумочку с золотым медальоном, более уместную в сочетании с «маленьким чёрным платьем» и туфлями от Галлиони.

Наверное, только полная чужеродность этого предмета и подвигла Джеймса Куку, бывшего студента Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, а ныне воришку «на отрыв» и торчка в предпоследней стадии, второй день угорающего без дозы, на свершение неразумного поступка. Во-первых, место и время были решительно непригодны для такого рода акции. Исполнять её следовало на воле, имея множество путей отхода, или же в толпе, коя всегда равнодушна. Здесь путь отхода был, в сущности, один: наверх. Народу же на толпу не набиралось никак. Во-вторых, намеченная жертва... Но, возможно, бедолага Джеймс видел только сумочку и не видел её обладательницу. Он хорошо знал, что такие сумочки обычно носят вполне беспомощные особы, способные разве на пронзительный вопль. А может быть, скудеющим рассудком он верно оценил возможный вес рюкзака и решил, что никто с таким грузом за плечами его, легконогого, не догонит.

И когда из подкатившего поезда вышли немногочисленные пассажиры и направились к лестницам, ведущим на галерею, Джеймс подскользнулся к жертве, вырвал сумочку из её руки, в два прыжка оказался на лестнице и стремительно понёсся по ступенькам вверх, зная, что за его спиной уже готов живой заслон из пассажиров и через этот заслон преследователи – если кто-то бросится догонять – проберутся не сразу.

Каков же был ужас негодяя, когда он почувствовал, что галерея под его подошвами содрогается. Предки Джеймса Куку спасались от разъярённых носорогов, избегая с разгона на пальмы. Рудименты очнулись. Пальм не было, и Куку полез на колонну. Он даже сумел продержаться на полированном мраморе несколько мгновений, но был сорван, как фрукт.

Девушка поставила его перед собой, двумя пальцами выщипнула сумочку из белоснежных неровных зубов и бережно стукнула дурачка в лоб. Джеймс увидел над собой побелевшее от гнева лицо богини Йемойи и, вспомнив, каким изощрённым и чудовищным способом она обычно наказывает мужчин народа йоруба, утратил контроль над собой...

Первым услышал его визг сержант Агафонкин. Никакого сочувствия, кроме злобы, звук у него не вызвал, поскольку дежурство кончалось, а любое происшествие грозило затянуть его надолго. Дежурство и без того выдалось тяжёлым. Начнём с того, что это было второе дежурство подряд, поскольку сменщиков угнали разыскивать очередную телефонную бомбу на Белорусском вокзале. Потом приезжали проверяющие из мэрии и домогались непонятно чего. Потом пришлось доставать с рельсов не то пьяного, не то припадочного. Потом цыгане в составе небольшого, но энергичного табора своротили турникет. Потом всех построили ловить неуловимого насильника и грабителя, проходившего под псевдонимом «Блонд», которого будто бы видели неподалёку. «Блонд» в метро не полез, и всем за это попало. Потом хлынули спартаковские фанаты, от которых специально закрыли на ремонт станцию «Динамо». Не успели кое-как растолкать «мясо» по разным вагонам, как в вестибюле монах, собиравший на очередной храм, сцепился с двумя кришнаитами и с Божьей помощью победил. Потом позвонил полковник Красноштан и предупредил, что сегодня бритоголовые по всей Москве собираются бить негров и министр будет бдеть лично...

Потом было ещё много всего, так что когда сержант Агафонкин слышал дикий африканский вопль, он пребывал в состоянии какого-то истерического полусна – состоянии, в котором человек способен решительно на всё: от самого благого до самого гнусного. Благая волна накатилась и ушла, надвинулась волна гнусная. Так джинн, заточённый в медном сосуде, сперва клянётся озолотить освободителя, а потом – предать его лютой казни.

– Дождались, – сказал Агафонкин. – Кто-то рожает.

– Баба, – уверенно определил лейтенант Ситяев, только что излагавший подчинённым содержание известного боевика про американскую спецполицию «Люди в чёрном». Лейтенант вообще полагал необходимым постоянно повышать культурный уровень своих земляков Агафонкина, Кирдяшкина и Викулова. Все четверо генезис имели в мордовском городке Ковылкино, а с Агафонкиным будущий лейтенант вообще учился в одной школе четырьмя классами старше и неоднократно отнимал у будущего подчинённого карманные деньги. Менталитет ковылкинцев вообще более тяготел к началу уголовному, нежели к правоохранительному, что и заставило матерей Агафонкина, Кирдяшкина и Викулова обратиться к столичному новожителю Ситяеву с просьбой поскорей устроить их дембельнувшихся охломонов в милицию, пока невзначай не угодили на нары. Ситяев, как ни странно, сумел это сделать. Теперь и по службе, и по жизни Ситяев был охломонам опекун и тиран.

– Орёт, не унимается, – напомнил Агафонкин. Все поднялись и устремились в дверь.

Дело оказалось похуже, чем внезапные роды. Полковник Красноштан накаркал. Били негра. То есть уже не били, а добивали. И не шайка бритоголовых, а один очень крупный человек. В клетчатых люберских штанах.

– Стоять! Руки за голову! Милиция!

– Оставь сапога, тварь!

– Нашёл место!

Агафонкин перетянул хулигана по плечу дубинкой. Хулиган выпрямился, резко повернулся к обидчику и рюкзаком сшиб подвернувшегося Кирдяшкина с ног. Штаны превратились во взметнувшуюся юбку – а глаза у хулигана были такие, что свистнувшего кулака Агафонкин попросту не заметил...

...Потом люди рассказывали, как на станции «Сокол» прекрасная девушка в одиночку отбивалась от целого взвода ментов-беспредельщиков, ломая им руки, рёбра и челюсти, как одолели-таки поганые русскую богатырку, прыгнув ей на спину, и как внезапно получили подтверждение слухи о гигантских крокодилах, делящих московские подземелья с гигантскими же крысами. Откусили голову ментовскому генералу, не ушёл тать от расплаты!..

На самом деле никакого подкрепления к наряду не пришло. Лейтенант Ситяев и двое уцелевших бойцов, проявив истинно ковылкинскую сноровку, сумели в конце концов, ухватившись за рюкзак, опрокинуть противника навзничь. Не устоял на ногах и лейтенант, повисший на рюкзаке. И тут случилось самое жуткое. Клапан прорвался, как бумага, и из отверстия надвинулась чудовищная шипастая голова с огромной раззявленной пастью!

Остальное довершило воображение Ситяева, воспалённое любимыми им американскими боевиками. Что он успел крикнуть на прощание – не знает никто, поскольку все звуки вместе с издающей их головой исчезли в пасти монстра.

Очнувшийся Агафонкин увидел, что его прекрасная оскорбительница полусидит, опираясь на свой рюкзак, одной рукой прижимает к груди сумочку, а другой рукой вращает над головой бидоном, отбивая удары дубинок Кирдяшкина и Викулова. Позади девушки стоит на карачках лейтенант Ситяев, а голова у него не своя, и эта страшная голова пытается заглянуть в рюкзак. Агафонкин решил, что очнулся слишком рано, и снова закрыл глаза, не забывая, однако, прислушиваться к голосу молвы.

– Неотложку вызовите!

– Он же задохнётся!

– Всех бы их туда...

– Всё-таки маленькие головы у ментов делают...

– Это ещё кострючок! Вот белуги на Каспии...

– Он что там, наркоту ищет?

Когда Агафонкин слышал дикий хохот, то рассудил, что настало время приходить в себя. На воительницу уже надели наручники, а какой-то уса́тый доброхот из толпы швейцар-

ским офицерским ножом одним молниеносным движением с хрустом разрезал пасть осетру. Наконец голова Ситяева с мерзким чмокающим звуком вышла на свободу.

– Ну и рожа у тебя, лейтенант! – сказал доброхот, вытирая нож об рюкзак.

Ситяев некоторое время хватал ртом воздух, потом закашлялся. Голова его была вся покрыта кровавой слизью.

– Ну, сука, – сипло сказал он. – Ну, всё!

– А где сапог-то? – спохватился Кирдяшкин.

Действительно, Джеймс Куку не стал дожидаться развития событий, а, прихватив неосмотрительно поставленный на пол кейс доброхота-освободителя, тихо-тихо смылся.

Как ни странно, доброхот не стал поднимать шум и тоже растворился в негустой толпе.

Когда пленницу повлекли в дежурку, сержант Агафонкин, как бы стыдясь своего неучастия в схватке, принялся разгонять народ, причём исключительно жестами, и, видя выражение его лица, люди повиновались безоговорочно.

Потом он сходил в вестибюль к аптечному киоску (идти пришлось далеко, поскольку тот киоск, что напротив поста милиции, не работал сегодня), взял упаковку анальгина и тюбик гепариновой мази. Слухи в сильно искажённом виде уже докатились до периферии, поэтому киоскёрша долго не отпускала сержанта, выпытывая подробности. Сперва он отвечал скупое, всё ещё жестами, но потом, чувствуя, что челюсть кое-как движется, разговорился.

– Никакой не крокодил, – сказал он. – Осетёр. И вообще не болтай. Контрабандой тут пахнет.

Выслушав пару медицинских советов, он двинулся назад. Разложили ребята мочалку или ещё нет? – пришло ему в голову. Он торопливо вернулся к киоску, где, краснея, ткнул пальцем в презервативы и на пальцах же сперва попросил три, а потом, подумав, целых пять. Обратно он шагнул чуть быстрее. Воображение пошло вразнос – должно быть, от удара. Первым, конечно, будет Серый, думал он. А потом я. А потом ей понравится. А потом отдадим пээмгэшникам с собакой. А в бидоне, наверное, мёд...

Дверь, к его удивлению, была открыта. Мочалка, освобождённая всего лишь от рюкзака, сидела на стуле, закинув ногу на ногу. Сержанты стояли по стойке «смирно», а Серый, красный и мокрый, сидел за своим столом, выглядывая из-за половины осетровой туши – но тоже по стойке «смирно». В руке у него была телефонная трубка.

– Извиняйся, Васька, – пробормотал он, отводя взгляд. – Извиняйся, пока не поздно.

В контуженном мозгу Агафонкина мелькнула было мысль, что мэр наконец-то дал приказ метелить чёрных, а они сдуру поступили наоборот. Потом – что напоролись на спецназовку, выполнявшую спецзадание, и тем самым сорвали спецоперацию. Потом...

– Так мы это... Прощения просим, – сказал он. – Чтобы без обид, значит...

И потрогал закаменевшую половину лица.

Девушка улыбнулась.

– Ираида, – сказала она застенчиво и протянула ладошку лодочкой.

Затмение всё не оставляло Агафонкина, и он совершенно неожиданно для себя и впервые в жизни поцеловал женщину в руку.

– Редкое у вас имя, – заискивающе подал голос из-за стола лейтенант.

– Обыкновенное имя, – сказала воительница. – У нас каких только нет имён! Есть Пре-педигна. Есть Феопистия...

Тем временем отозвался телефонный собеседник лейтенанта.

– Да! – закричал Ситяев. – Подойдёт! Ну что ты!.. За мной не заржавеет! Спасибо, Мохнатый! Спас, можно сказать!

Он положил трубку и, расплываясь в улыбке, сказал:

– Сейчас будет машина. По высшему разряду доставят. Вы уж Евгению Феодосьевичу про недоразумение это глупое не говорите... Рыбку вам ребята сейчас упакут...

Вместо ответа Ираида извлекла из-за пазухи огромный нож в шитых бисером ножнах. Агафонкин попятился было, но девушка повернулась к столу и одним махом отвалила толстенный жёлтый ломоть осетрины.

– А то совсем вы тут заморенные, – пояснила она.

– Значит, так, – сказал лейтенант. – Подойдёт белый «линкольн-континенталь». Ребята вас проводят...

Кирдяшкин и Викулов волоком подтащили рюкзак к столу и вставили в него осетра. Лейтенанта передёрнуло. Ираида поднялась, взяла со стола сумочку, изгвазданную в рыбьей слизи, сунула её в карман рюкзака. Потом сгребла лямки в горсть и легко закинула сооружение на плечо, подхватила свободной рукой бидон и улыбнулась Агафонкину.

– Я же вас не со зла пазгнула, а с перепугу, – сказала она. – Я живых-то негров только по телику и видала. А чтоб так – нет.

– Бывает, – охотно согласился Агафонкин.

Когда таинственная незнакомка удалилась со своим эскортом, скорее декоративным, сержант вопрошающе уставился на лейтенанта.

– Ну, Васька, – сказал Ситяев, – не верил я в Бога, а сегодня пойду и свечку поставлю. Как меня надоумило на это письмо посмотреть!

– Какое письмо?

– Которое в сумочке было.

– А кто она такая? Шмара бандитская?

– Не-ет, Вася. Что ты! Бандиты – они нормальные, понятие имеют... они ведь почти такие же, как мы, с имя завсегда можно договориться. А вот ты про... – Ситяев сглотнул, – про Коломийца слышал?

– Ну, – сказал Агафонкин, внутренне холодея. – От которого пули отскакивают?

– Так вот она – его племянница!

– Ёпрст! – сказал Агафонкин и сел. – А я уже гондоны купил...

И они потом долго истерически хохотали, показывая друг на друга пальцами.

2

В молодости зырянская колдунья нагадала царю Ивану Васильевичу, что умрёт он в Москве. Из этого, к сожалению, вовсе не следовало, что в любом другом городе царь будет жить вечно. Но Москвы грозный царь, как известно, не любил и в особенно тревожные времена старался держаться от стольного града подальше.

Видимо, именно поэтому венценосный безумец и решил перенести столицу своего государства в Вологду, и даже предпринял для этого некоторые меры. Кроме того, из Вологды легче было добраться морским незамерзающим в те времена путём до самой Англии, что и было главной мечтой жизни Ивана Васильевича. Сам он себя русским человеком не считал, возводя свою родословную к римским императорам, а Британия представлялась ему прямой наследницей Рима. Царь грезил стать супругом тамошней королевы-девственницы Елизаветы, регулярно посещать театр «Глобус» и, может быть, даже познакомиться с самим сочинителем Шекспиром. Ему, владельцу и главному читателю одной из лучших библиотек тогдашнего мира, было обидно, что в Англии уже написаны «Гамлет» и «Сон в летнюю ночь», а в его державе свежими бестселлерами считались «Сказка про Ерша Ершовича, сына Щетинникова» да «Повесть о бражнике, како вниде в рай». Оттого он и лютовал над своими подданными – надеялся, видимо, что Шекспир прослышит про его злодеяния и напишет хронику «Кинг Джон оф Москоу», из которой все поймут, что Ричард Третий в сравнении с ним – пацан и хлюпик.

Как бы то ни было, жители Вологодчины сильно встревожились царскими планами. Особенно крепко забеспокоились жители городка Грязовец, которым совсем не улыбалось разделить участь, скажем, новгородцев. Они споро собрались, погрузились на телеги и рванули в Сибирь, далеко обогнав при этом дружины Ермака Тимофеевича. Бежали они несколько лет и остановились только на Ангаре, где и осели, прельстившись красотой пейзажа, природными богатствами и отдалённостью от центра.

Обитал ли кто-нибудь прежде в этих суровых дебрях – неизвестно. Скорее всего, обитал – иначе откуда бы взялись названия посёлков Чижма, Тутуя, Пинжакет, Шилогуй, Ёкандра, Большой Кильдым и Малый Кильдым? Ведь не сами же беглецы их придумали.

Самым большим поселением стала Чижма, а насельники её отныне именовались чижмарами. Чижмари отличались повышенной суровостью, скопидомством и подозрительностью к чужакам, сохранившимися вплоть до наших дней. Ещё где-то в середине семидесятых туда прибыли из краевого центра два чекиста с целью тряхнуть молодого местного учителя русского языка – дошли слухи, что он задаёт детям диктанты по текстам не то Солженицына, не то Набокова. Учитель, на его счастье, как раз именно в это время уехал в краевой центр – повёз учеников на смотр художественной самодеятельности. На все расспросы угрюмые чижмари отвечали неохотно и односложно, а к вечеру оказалось, что ночевать командированным негде – странноприимного дома в посёлке не имелось, в частные дома под разными предложениями не пускали. Отчаявшиеся рыцари госбезопасности решили скоротать студёную ночь в местном клубе, но там, как на грех, учинены были танцы, и местная молодёжь охотно избивала непрошенных гостей – не из диссидентских соображений, а просто как чужаков. Страшась позора, посланцы спустили дело на тормозах.

Можно себе представить, какой суровости достигали нравы в прежние годы! Напоревшись на вооружённого чижмара в тайге, не могли рассчитывать на пощаду ни беглый каторжник-варнак, ни его преследователи. Ссылнопоселенцы, начиная с декабристов, здесь либо тихо угасали, либо совершенно очижмаривались, пускали корни и приобретали местный менталитет, ставя превыше всех кулинарных изысков омуля с душком.

Правда, в начале века местному батюшке удалось убедить чижмарей, что грехи их вопиют к небу; в ответ на это чижмари решили посрамить всех соседей в благочестии и поставить

каменную церковь. Другие на их месте наладили бы производство кирпича на месте либо сплавилась за ним в самый ближний город Енисейск, но это было слишком пошло и примитивно. Чижмари отрядили представительную делегацию аж в Киев, где пилигримы приобрели необходимое количество кирпича, освятили его в Киево-Печерской лавре, прикупили роскошный колокол, отлитый в бельгийском городе Малин, и тронулись в обратный путь, занявший несколько лет, потому что Транссибирская железная дорога ещё не была построена. В Чижму вернулась едва ли половина посланцев – остальные сложили головы в дороге от трудов и болезней. Зато церковью можно было гордиться – вплоть до Гражданской...

Фамилий в Чижме было в основном три: Шипицыны, Пальгуновы и Убиенных. Шипицыны, по традиции, кормились от тайги и пушного промысла, Пальгуновы безраздельно господствовали на реке, Убиенных обеспечивали кадрами администрацию и сферу обслуживания. Троецарствие это изредка расцветивалось за счёт неустанной борьбы с врагами народа именами экзотическими: то немцы Баумгартены, то литовцы Раздевайтисы, то даже эстонец, носивший несовместимую с жизнью фамилию Педаяс. Чижма либо отторгала чужака сразу, либо растворяла его в себе без остатка.

Именно с целью раствориться без остатка попал в эти края старший брат полковника ГРУ Евгения Коломийца, Григорий. Официально он считался подорвавшимся в лесу на mine, да так, что почти ничего не осталось; на самом же деле мальчонка был связником у бандеровцев. Повстречав однажды на лесном просёлке колонну крытых «студебеккеров», мудрый не по годам Грицько решил не возвращаться ни в схрон, ни в село, а побежал на железную дорогу и запрыгнул в первый попавшийся товарняк. Товарняк же следовал аккуратно в Сибирь. Когда существование без документов стало совсем невозможным, возмужавший хохол добрался до Чижмы, покорила чёрными кудрями и богатырской статью одну из местных невест, в результате чего из грузчика Коломийца сделался охотником Шипицыным, потом отслужил в армии и стал совершенно вне всяких подозрений. Коломиец-младший был уверен, что старшего брата нет на свете, родители же о правде частично догадывались, но помалкивали, чтобы, не дай Бог, не порушить парню военную карьеру.

К умножению рядов Шипицыных Григорий приступил с энтузиазмом молодости, и сейчас, в свои семьдесят, всю уже был счастливым дедом и прадедом, потерявшим счёт мелкому поголовью. Однако внуку Ираиду выделял, сызмальства брал с собой на охоту и там ставил братьям в пример за выносливость и меткость. Когда же Ираиде стукнуло восемь, дед сам собрал её котомку, взял за руку и повёл, велел молчать всю дорогу. Тропа была незнакомая и почти не пробитая – в ту сторону ходили редко. Переночевали у костра, а к вечеру следующего дня вышли на обширную поляну. Посреди поляны был прудик, обсаженный черёмухой. Позади пруда прятался под кронами высоченных кедров сказочный домик, и он не походил ни на избу, ни на зимовье. Возле тропы, ведущей к домику, стояли в странном беспорядке врытые в землю чёрные камни. Собаки здесь не лаяли – просто обнюхали пришельцев и убежали. Из домика вышел невысокий смуглый человек в подпоясанном халате и с саблей за поясом. Он поклонился, сложив руки перед грудью, и дед поклонился в ответ.

– Ось тут тоби и будэ пионэрський лагерь! – сказал дед Ираиде.

...Капитан Императорской Квантунской армии барон Итиро Хираока обстоятельств своего пленения не знал, поскольку валялся с жесточайшим приступом малярии в полевом госпитале. По той же самой причине он не покончил с собой. Вражеские врачи поставили его на ноги – только для того, чтобы барон очутился на строительстве огромного военного завода на окраине Красноярска. В капитуляцию, провозглашённую микадо, барон не поверил и потому считал, что война продолжается. Тем более что – он знал это наверняка – никакого мирного договора между СССР и Японией подписано не было. До весны он послушно трудился на хлебоборезке (в силу своего благородного происхождения), но с наступлением тёплых дней попросту исчез.

Его собратья по оружию и судьбе доказали, что в филиппинских джунглях можно скрываться годами и десятилетиями. Российские каторжники доказали то же самое применительно к тайге. Барон Хираока как бы объединил два этих опыта.

Чижмари заметили вдруг, что с огородов стала пропадать репа, а потом и картошка. Своих воров, прорезавшихся было при советской власти, давно извели. Сперва грешили на беглых зэков и на геологов, но варнак был уж больно застенчивый: покопавшись на грядках, он обязательно выпалывал сорняки и поправлял заплот. Свирепые, как и хозяева, чижемские собаки на него не реагировали, а чижемские интеллигенты, не столь свирепые, стали поговаривать об Урэтка – местной разновидности снежного человека. Слух достиг краевого центра, и на охоту прилетел десяток мордастых ребят с малиновыми околышами. Они самонадеянно отвергли помощь клана Шипицыных, надеясь на трофейных овчарок.

Когда отряд не вернулся, чижмари единодушно признали огородного вора человеком, причём своего образа мыслей. Стали оставлять для него в удобных местах кое-какие съестные и охотничьи припасы, а когда собралась новая облава, не в пример более многочисленная, патриарх Ефим Шипицын, опередив её, «скрал» пришельца ночью на тропе и утащил к себе в подполье. Облаву же две недели спустя направили по ложному следу, изобразив похищение милицейского катера. В результате этой операции в Японии навсегда пресёкся род Хираока, а род Шипицыных заполучил почти дармового таёжного работника. Постепенно барон отстроился и заматерел, научился чижмарской речи, белку бил в глаз, а соболя в ухо; на досуге же сочинял изысканные хайку и совершенствовал изобретённый им новый вид единоборства – кума-до, что значит «путь медведя». Путь же настоящего медведя при встрече с бароном фатальным образом обрывался, и косолапый бедняга даже не успевал понять, что с ним вытворяет этот маленький узкоглазый человечек.

Чужим людям барона не показывали, да и своим – через одного. Но за детьми же не усмотришь! И вышло так, что со временем барон сделался пестуном шипицынской младой поросли – но не всей, а тоже с большим разбором. Чижма менялась, в неё проникали вредоносные миазмы цивилизации, и в конце концов Хираока-сан остался одним из последних настоящих чижмарей. Об этом и толковали старики, с кряхтением забравшись в беседку для чайной церемонии, а Ираида заваривала всё новый и новый чай и глазела на звёзды...

Так началась её новая жизнь. Она узнала, что, кроме Советского Союза, где борются с пьянством, проводят ускорение и запускают самолёты в космос, существует и другая, *настоящая* Россия, о которой узнают только те, кто сумел дожить в ясном уме до преклонных лет, потаённая страна безымянных и всеведущих странников, неизвестных праведников, неведомых зверей, скрытых от мира храмов и библиотек, спящих до поры богатырей и чудовищ...

Она научилась говорить и писать по-японски и китайски, рисовать в манере «укиё-э», не бояться смерти, показывать «пустое лицо», а также владеть мечом и девятнадцатью основными приёмами кума-до. Правда, до одиннадцати лет её к медведям не подпускали...

Школьные учителя Ираиду почему-то не любили. Причин для этого не было. Разве что вместо полноценного сочинения на тему «Нигилист ли Базаров?» она могла подать на проверку всего пять строчек:

От робости придуманная жизнь,
Смешной оскал – от нежности ограда.
Лягушек, право, жаль – при чём они,
Когда сжимает судорожно горло
Лиловый шарф?

Да ещё преподаватель физкультуры, пытавшийся как-то зажать её в раздевалке, был подвргнут приёму «полёт медведя над спящим озером» и надолго потерял трудоспособность.

И оттого, что с учителями она была необыкновенно для Чижмы почтительна, те постоянно ждали от неё какой-нибудь изысканной гадости, а не дождавшись – злились.

Никто не решился даже предложить ей вступить в пионеры...

Когда советская власть приказала долго и бестолково жить, Григорий Шипицын вспомнил, что он, в сущности, Коломиец, и не худо бы найти остальных Коломийцев. Поиск он начал, естественно, с родной Черкасщины. На месте отцовской хаты дымился огромный, грязный, воняющий прокисшей мочой комбинат. Но городское кладбище было прежним – зелёным, не по-русски уютным. Два дня ему понадобилось, чтобы найти могилы родителей и сестры. Ещё два дня – чтобы найти сына бывших соседей, который хоть что-то знал о судьбе остальных Коломийцев.

Брат жил в Москве, ругал порядки, разводился с очередной фиктивной женой и строил далеко идущие планы. Оглядев его замызганную хрущёвку с видом на Курский вокзал, Грицько вместо приветствия сказал: «Ото ж, братику, добрэ тебя наградылы москали за вирну службу!» Потом они пили привезённую горилку с перцем, ругали все власти, какие были, есть и будут, пели «Тэче вода каламутна» и хвастались друг перед другом панорамами жизненных путей. В конце концов братья расстались друзьями. Старший увёз на память замечательный симоновский карабин с прикладом из красного дерева, а младший с тех пор регулярно получал посылки с копчёной медвежатиной и калёными орехами.

Прошло семь лет. Население Чижмы стремительно исчезало – чижмари искали новых охотничьих угодий, уже в городах. Москва считалась участком перспективным, но сложным.

Понятно, что Ираида избрала именно её.

Из записок доктора Ивана Стрельцова

В 1978 году я закончил Второй Московский медицинский институт и получил распределение хирургом в Грязовец, крошечный райцентр на полпути от Вологды к Великому Устюгу. Время, проведённое в этом красивейшем, но совершенно не пригодном для жизни уголке, запечатлелось в памяти как нескончаемое трёхлетнее дежурство без перерывов, выходных и уж тем более праздников. Я был единственным хирургом на пятьдесят километров в округе; кроме меня, в больничке работала свирепая бабка-акушерка и анестезиолог, которого я ни разу за все три года не видел трезвым. Несколько лет спустя, прочитав «Записки молодого врача» Михаила Афанасьевича Булгакова и «Записки врача» Виктора Викторовича Вересаева, я поразился: то, что изображалось ими как предельно суровые условия, для нас было бы сущим отдыхом. Немудрено, что по истечении срока моей трёхлетней каторги (а иначе работа по распределению мною уже и не воспринималась) я воспользовался любезным предложением районного военкома и отправился в Афганистан в качестве полкового врача. Об Афганской кампании написано и сказано много и даже слишком много; я имею по этому поводу своё скромное мнение, которое, похоже, никого не интересует. Многим эта кампания принесла ордена и звания, ещё большему числу – раны телесные и душевные. Осознав последнее, я прошёл курсы переподготовки и прибыл на второй срок уже военным психиатром. Однако удача отвернулась от меня: я был ранен в плечо случайным осколком реактивного снаряда, которыми моджахеды постоянно обстреливали Кабул, и, вероятно, истёк бы кровью прямо на улице, если бы не своевременная помощь моего афганского коллеги Хафизуллы (я очень беспокоился о его судьбе после нашего ухода из Афганистана и падения там светского правительства, поскольку Хафизулла отличался весьма атеистическим и даже циничным мироощущением; в этом я с годами всё более становлюсь похож на него; но недавно я радостью узнал, что он выбрался из-под руин своей республики и сейчас работает в одной из лучших клиник Бомбея). Я перенёс четыре операции на левом плечевом суставе и уже шёл на поправку, как вдруг свалился от инфекционного гепатита, подлинного бича нашей ограниченной в своих возможностях армии. Две недели я провел в буквальном смысле на грани жизни и смерти, пребывая в полном сознании; и ещё несколько месяцев коллеги считали меня безнадежным. В ташкентский госпиталь я поступил, имея сорок один килограмм чуть живого веса. Через полгода я покинул и госпиталь, и армию, которая сочла, что я для неё непригоден более – и направился в Москву.

Сейчас, вспоминая те события, которые изменили жизнь современного мира, я затрудняюсь отделить второстепенные детали от главных, поскольку я убедился наверное, что это лежит вне пределов человеческих возможностей.

Не буду вдаваться в подробности, скажу только: я имел московскую прописку, не имея реального жилья. Мне предстояло на свою скудную пенсию снять угол – и заняться поисками приемлемой работы. Развившаяся у меня астения не позволяла пока что трудиться в полную силу, скажем, на «скорой» или в больнице; найти же необременительное место хирурга или невропатолога в поликлинике пока что не удавалось. Несколько ночей я провёл под кровом одного из моих институтских приятелей, но долго пользоваться его любезностью было невозможно: он жил с женой, двухлетним сыном и тётшей в так называемой полуторке, и даже без такого постояльца, как я, им было тесно и нервно.

Однажды, возвращаясь после очередной неудачной попытки устроиться, я почувствовал раздражение и жажду и зашёл в грязноватый стеклянный павильон, где торговали скверным разбавленным пивом. Должен сказать, что моральное моё состояние было очень низким, и от сведения счётов с жизнью меня удерживало разве что природное упрямство. Не исключаю, что подсознательная суицидальность толкала меня блуждать ночами по тёмным пустынным местам и даже задираť всяческих неприятных типов; как ни парадоксально, это всегда кон-

чалось ничем. Меня обходили стороной – или опасливо, или как бы не замечая. Вот и сейчас: я взял пол-литровую банку неприятно пахнущей буровой жидкости и пригубил её, не отходя от стойки, с единственным намерением сказать: «Кажется, это пиво уже кто-то пил!» – и выплеснуть дрянь в лицо продавцу, одуловатому парню в пятнистом переднике. Я чувствовал, что мне нужно получить по морде, чтобы на что-то решиться. Я уже почти размахнулся, как меня хлопнули сзади по плечу, и знакомый голос проорал:

– Стрельцов! Иван Петрович! Какими судьбами!

Я оглянулся. Это был доктор Колесников, бывший мой преподаватель на курсах переподготовки, пьяница и виртуозный матерщинник, но невропатолог милостью Божией, я многому научился именно у него. Сейчас я сразу обратил внимание на его руки, серые от въевшейся грязи и растрескавшиеся – руки слесаря, а не врача.

– Я вас не сразу и узнал, голубчик! – продолжал он. – Болеете, очевидно?

– Здравствуйте, Николай Игнатьевич! – я искренне обрадовался ему и сразу позабыл обо всех своих неприятных планах. – Я вообще удивляюсь, что вы меня узнали...

– Не забываю никого, – сказал он чуть даже обиженно. – Эйдетическая память. Так что с вами стряслось? Чем занимаетесь?

– Ищу работу по силам, – сказал я. – Полную нагрузку пока не потяну, на инвалидность не хочу, а найти что-нибудь лёгкое не могу. Да и угол бы где-нибудь снять не мешало...

– Демобилизовались?

– Вчистую.

– Ранение, заболевание?

– И то, и другое.

– Ясно... Знаете, Иван Петрович, если не торопитесь, то нет ли у вас желания взять бутылочку и посидеть с большим комфортом? Я живу вон там, через пустырь...

– С радостью бы, Николай Игнатьевич, – сказал я, – да вот беда, печёнка всё ещё висит по самую подвздошную. Пиво туда-сюда, а крепкого не могу, сразу умирать начинаю.

– Жаль, жаль... А знаете, Ваня, мне в голову пришла одна мысль. Не удивляйтесь, такое иной раз случается. Есть у меня один приятель, человек довольно странный, который мог бы вам помочь. Он занимается какими-то потусторонними исследованиями, и ему нужен непредвзятый психиатр. Он обратился ко мне, но я занят сейчас другими делами... Кроме того, он живёт практически один в пятикомнатной квартире и вполне мог бы решить вашу жилищную проблему. Хотите познакомиться? В конце концов, вы не теряете ничего.

– Но это же не заработок...

– Как же не заработок? Очень даже заработок. Кроме того, он имеет какие-то связи в МВД, так что вам вполне могут вернуть погоны. Капитан?

– Майор.

– Тогда поехали, товарищ майор.

– Прямо сейчас?

– А чего тянуть?

И мы поехали, бросив на столе недопитое пиво.

Странный человек – звали его Кристофор Мартович Вулич – жил в районе Сухаревки, в переулке с хорошим названием Последний. Дверь парадной выходила прямо в воротную арку, и ступеньки вели не вверх, как обычно, а вниз. И лестница, и пол были дощатые. Пахло кошками. На площадке первого этажа висели почтовые ящики, многократно горевшие, – четыре штуки, – и выходила одна-единственная дверь, обитая изодраным чёрным дерматином. Чем исписаны стены, я в тот раз не прочитал, но впоследствии имел удовольствие многократно изучать и даже конспектировать эти граффити.

Мой провожатый толкнул дверь, и мы вошли. На месте дверного замка зияла яма, заткнутая свёрнутой газетой. В прихожей было полутемно, на вешалке топорщилась груда неопре-

делённой одежды, а из глубины квартиры доносился негромкий, но невыносимо-пронзительный скрежет, в котором я не без труда опознал звук какого-то духового инструмента. Должен сказать, что в то время я не испытывал ни малейшего почтения к джазу, а также просто не переносил громкие звуки вне зависимости от их происхождения.

– О, нет, – сказал я, но Николай Игнатьевич уже позвал:

– Крис! Крис! Иди сюда, я привёл тебе хорошего психиатра!

Скрежет сменился всхлипом облегчения, и терзаемый инструмент замолк. Послышались быстрые лёгкие шаги, и откуда-то сбоку возник высокий носатый парень в просторной серой кофте, драных вельветовых штанах и босиком. Длинные прямые волосы перехватывала пёстрая вязаная лента. В руках он держал альт-саксофон. Впрочем, название инструмента я узнал потом. В тот день я ещё не умел отличить саксофон от кларнета...

– А, – сказал он. – Ещё и афганец. Эпическая сила! Это хорошо. Пошли, продолжим. У меня плзеньское, бутылочное. Зачем травиться? Только вот что: я хочу сразу узнать, не имеете ли вы обыкновения в пьяном виде рвать на груди тельняшку и спрашивать, где я, сука, был, когда вы загибались под Кандагаром?

– Наверняка вас в детстве называли Хуlichem, – вполне обоснованно предположил я.

– Как вы догадались, доктор?!

– Посредством дедукции. Так я прав?

– Разумеется, – пожал он плечами. – Как иначе? Но пример маршала Пстыго вдохновлял меня...

Мой новый знакомец, Крис, действительно был личностью неординарной. С виду он казался моим ровесником – на деле же был на десять лет старше. Самим своим существованием он отвергал множество психологических и психиатрических постулатов, и к концу первой недели нашего общения (уже вечером я перебрался жить к нему в небольшую угловую комнатку) я усомнился вообще во всём, включая самоё реальность окружающего мира. Сам себя он называл гиперпатом – то есть человеком с экстраординарно повышенным восприятием. Например, он не читал мыслей, но по виду, движениям, дыханию человека мог мгновенно составить о нём глубокое и достаточно точное представление – а главное, каким-то образом узнать многое из того, что человек этот пытается скрыть. При этом он не отдавал себе отчёта, как именно он это делает. Все попытки пошагового самоанализа тут же приводили к утрате самой этой способности (собственно, для проведения подспудного анализа со стороны ему и потребовался психолог; скажу сразу, чтобы не возвращаться более: все достаточно длительные и упорные усилия хоть как-то объяснить, каким именно путём мой друг приходит к тем или иным выводам, окончились ничем, и с этим мы в конце концов смирились). Он узнавал все значительные *завтрашние* новости, проехав две-три остановки в троллейбусе. Он находил спрятанные или потерянные предметы, просто прогуливаясь или даже сидя на скамейке в каких-то излюбленных точках: на Чистых прудах, например, или в Нескучном саду, или в скверике на Тверском, что напротив культового кафе «Лупа» (то есть «Лира», конечно) – несколькими годами позже там воздвигли «Макдональдс» с афедрональным символом на крыше; Криса, таким образом, привлекали именно людные и довольно шумные места. Иногда, в активной фазе существования, он пешком накручивал по Москве километров тридцать пять – сорок. Бывали, однако, времена, когда он не вставал с койки, пил водку из горлышка, переходил с обычной своей ханки на табак... В такие дни я старался уйти: он начинал терзать саксофон, и звуки эти могли довести до другоубийства куда более стойкую натуру, чем я тогдашний.

Но в активные свои периоды Крис был чудесным человеком: внимательным, гостеприимным, весёлым. Запас анекдотов у него был неистощим. Кажется, некоторые он придумывал сам. Кроме того, просто поражала его несокрушимая вера в то, что все люди в сущности своей

хорошие, просто иногда ошибаются в выборе целей и средств. Казалось бы, при его безграничных познаниях... это до сих пор остаётся для меня загадкой.

Интересно, что в вере своей он никогда – подчёркиваю: никогда! – не обманывался. Я уже упоминал, что замка в двери квартиры не было. Любой мог зайти. И заходили. Иногда собиралось до десятка самых разных, от странных, не существующих в природе людей до самых обычных вокзальных бичей и уличных попрошаек, и все вели себя... ну, скажем так: безвредно. Деньги, которые у Криса водились всегда, валялись за стеклом старинного буфета. И не скажу, чтобы «гости» испытывали перед Крисом суеверный ужас. Скорее – суеверное уважение.

Официальный статус у Криса был очень удобный: он числился внештатным консультантом в каком-то из отделов МВД. Попал он в консультанты, как водится, по протекции: его старший брат, Альберт, пребывал в высоких генеральско-милиейских чинах и возглавлял один из закрытых НИИ. Вряд ли Криса на Петровке принимали всерьёз, потому что обращались к нему нечасто, но благодаря вот этому своему положению он действительно сумел устроить меня на должность психолога-консультанта в госпиталь МВД – и прикрепить к себе. Дважды в месяц я являлся за жалованьем... Н-да.

Но такая беззаботная жизнь продолжалась недолго – года три. За это время я отъехал, чуть не женился, опубликовал несколько работ и обзавёлся «частной практикой» – как раз в те годы в номенклатурной и образованческой среде стала крайне популярной чистка ауры в присутствии заказчика, и я заделался патентованным аурочистом. Крис же организовал кооператив «Магнит» (с девяносто второго – розыскное бюро «Аргус»), специализировавшийся на поиске пропавших вещей.

Открылся этот талант у него почти случайно. Ещё лет двадцать назад он оставил свою обожаемую дудку в вагоне метро. Спихнулся сразу же, но поезд уже ушёл. Он кинулся вдогонку, выходил на каждой станции, спрашивал дежурных – бесполезно. И вдруг он понял, что надо вернуться на одну из предыдущих станций, и пересест, и проехать ещё две. Он выскочил на перрон и увидел вдали низенькую бабку, ковыляющую куда-то с футляром... Потом Крис забывал его несколько раз в метро, автобусе, такси, его украли из раздевалки какого-то ДК – и каждый раз, побегав в панике по городу, он внезапно соображал, куда нужно идти.

Один случай казался совсем безнадежным: лабали на свадьбе в Реутово, ночевали в шофёрском общежитии, наутро голова была, як та чугуняка, а инструмент исчез. Исчез, казалось бы, навсегда: друзья-лабухи тоже ничего не помнили, водилы же просто жалели его и посылали подальше. Крис было смирился с потерей, но недели через две познакомился на каком-то сейшене с девицей и поехал провожать её аж на Героев-панфиловцев. Он, разумеется, навязался к девице в её коммуналку попить кофию и уже почти склонил жертву к взаимности, но вдруг услышал родные чудовищные звуки, доносившиеся из-за стены. Девица пожаловалась, что сосед-инвалид взялся отравлять людям жизнь таким образом, а управы на него нет. Крис натянул штаны, ворвался в соседнюю комнату и с ужасом увидел мужика в инвалидном кресле, который мучил его заблудший саксофон...

Дальше – больше: он стал находить для друзей пропавшие ключи, партбилеты, машины... Старший брат тогда только начинал свою карьеру в МВД, и Крис ему в том исподтишка способствовал, ненавязчиво подсказывая адреса притонов и приметы скупщиков краденого. Репутацию свою с годами он укрепил настолько, что в один прекрасный майский день восемьдесят девятого года к нам постучался самый настоящий иеромонах. Звался он отцом Сильвестром, служил в секретариате Патриархии и, насколько я понял из околичностей, занимался не вполне церковными делами...

3

Появление племянницы Ираиды верхом на белом «линкольне» застало Коломийца в состоянии крайней взмысленности. Причин тому было немало: и застарелые, как артрит, и свежие, самые гадкие, по которым всегда нужно искать свежее решение, и из них прежде всего – две попытки нападения на охраняемые «Тимуром» объекты. Если бензоколонку пытались выпотрошить какие-то совсем уж дикие джигиты, лишь вчера упавшие с прадедовых гор, то издательство «Энигма» потрогали знающие дело хлопцы. Знающие – и ни в грош не ставящие «Тимура». Необразованные или самонадеянные. А значит, предстояло идти и долго, нудно, до оскомины объяснять, что «Тимур» – он разный. Можно сказать, двуликий. Он может старушкам огороды пропалывать и мелких Квакиных хворостинкой отгонять – а может, внезапно охромев, производить полные опустошения на обширных территориях, чтоб трава не росла...

А может быть – вмазать сразу? Для радикального взвинчивания авторитета и движения фишки?

Отдубасить как следует этих дурачков, покрасить голубой краской и среди бела дня выпустить голяком в скверике у Большого театра...

Да. Но сначала нужно найти.

Впрочем, найти – это довольно просто...

Он потянулся к телефону.

И вот тут возникла Ираида.

То есть Коломиец не сразу понял, кто это. Он видел её пять лет назад, и тогда это была суровая и чуть косолапая девочка в стёганных штанах. Лишь самую малость похожая на влетевшую в дверь языческую полубогиню.

– Дядя Женья!

Он сел, потом вскочил. Как-то узнал.

– Ирка? Ты, ведмедко? Откуда?...

– А прилетела, и всё! Или же телеграмма не дошла?

– Кто её знает, ту твою телеграмму. Я дома два дня не был. Ну-ка, покажись, дивчина... да давай сюда эту дароболу...

Рюкзак ухнул в угол, шуба отлетела чёрт знает куда, ой, бидон, спохватилась Ираида, это же Итиро-сан медвежью жёлчь два года копил, когда сказали, что у тебя нога почти по плечо оторванная, а вот и письмо, дед отписал...

Из письма следовало, что племянницу Ираиду надо бы приставить к делу. Достоинства её были неоспоримы: стрельба, рукопашный бой, японский и китайский свободно, немецкий с напрягом, следопытство и скрадывание на ять, и вообще за девкой нужен глаз да глаз. А осенью ей в институт поступать, так, братка, сам определи, куда ей лучше: в консерваторию там или в юридический...

Несколько дней Коломиец ошибочно считал, что Ираида есть очередное звено в цепи размножающихся проблем, но потом неожиданно для себя почувствовал, что жить стало лучше, жить стало веселее. Во-первых, со стола исчезла осточертевшая пицца. Во-вторых, дружно, с развёрнутыми знаменами, трубя – ушли тараканы. В-третьих, телевизор стал ловить кучу доселе неизвестных программ. В-четвёртых, последняя фиктивная жена, которая ухитрилась тянуть с Коломийца совершенно реальные деньги, вдруг вернулась – но только для того, чтобы под контролем Ираиды произвести в квартире лёгкий текущий ремонт и гордо удалиться, не оглядываясь. В-пятых...

А также было в-шестых, седьмых и восьмых. Коломиец чувствовал, что привычный ухабистый чумацкий шлях холостяцкой жизни превращается в более или менее ухоженное шоссе.

Что же будет дальше, с оторопью думал иногда Коломиец... верно писал братка, что девку надо пристраивать к делу...

Из записок доктора Ивана Стрельцова

Подписки о неразглашении отец Сильвестр с нас не взял, но, прихлёбывая принесённый с собой отменный коньячок «Ани», честно предупредил, что отлучение – тоже не подарок. Ибо Господу совершенно нет дела до того, ходим ли мы в церковь, а вот трепачей он не любит. Ну, просто не любит. И карает сурово.

Дело было и вправду весьма щекотливое: во время пасхального крестного хода с груди патриарха исчезла панагия. Никто не видел, как это случилось, и сам патриарх ничего не почувствовал. Кругом были только свои...

Чекисты? – хотел уточнить я, но воздержался.

(Когда мы познакомились с отцом Сильвестром накоротке, то пришли в совершеннейшее изумление от немыслимой, от какой-то вселенской терпимости патриархии. Подумаешь, чекисты. А вот взять к примеру то, что *иеромонах* Сильвестр был *женат*... Впрочем, не будем забегать вперёд.)

Поиск, предпринятый командой отца Сильвестра – а возможностей у неё было побольше, чем у МУРа, – не дал результатов. В заграничные панагии не объявлялась, в комиссиях – тоже. Ничью блатную грудь она не украшала, и катакомбисты с зарубежниками на своих еретических собраниях не хвалились с пеной у рта таким трофеем.

Короче, святыня пропала.

Я просто думал, что мы будем носиться по городу, утюжа грязные притоны, ревизуя скупщиков краденого и навещая завязавших престарелых воров в законе. Но Крис, который в качестве задатка востребовал два ящика понравившегося коньяка, никуда из дома не выходил и меня не выпускал. Ночами мы с ним поднимались на крышу и воспаряли духом. Крис стоял, обняв антенну, и читал стихи, он знал их великое множество, а я за каким-то дьяволом держал саксофон, поскольку Крис сказал, что без инструмента он никуда. Так прошло суток шесть. Мы умело поддерживали в себе среднюю степень опьянения, не опускаясь до беспамятства, но и не слишком вписываясь в реальность. На седьмой день – а правильнее сказать, ночь – Крис вдруг забеспокоился, слез с крыши и пошёл ловить таксистов и покупать у них дрянную водку. Это не для нас, успокоил он взбунтовавшегося меня, это для бартера...

Наутро пришли два бича и предложили купить «большой поповский крест – на пузе носить». Что Крис и сделал, добавив к четырём бутылкам водки две банки рыбных консервов.

– Верно заметил классик: сами придут и сами дадут, – Крис не скрывал удовлетворения. – А теперь пойдём пожмём руку дающую...

Крови похитителя попы вовсе не жаждали, голова их тоже не интересовала. А вот подружиться мы как-то подружились. Отец Сильвестр и определил нам постоянную, на много лет вперёд, работу: разыскивать и возвращать в лоно семьи молодых людей, смущённых различными лжепророками и лжехристами. В сущности, он поймал нас на «слабо»...

С первой и третьей стадиями процесса мы справлялись сравнительно успешно. Крис по наитию определял место нахождения искомого дурачка, я – потом – приводил его во вменяемое состояние. Но со второй стадией – собственно изъятием из секты – у нас вскоре возникли проблемы. Охрана там была что надо...

И отец Сильвестр познакомил нас со своим бывшим сослуживцем Евгением Феодосиевичем.

С тех пор наши дела пошли веселее. На любое дело нас сопровождали двое «тимуровцев», которые никого не били, не угрожали и даже не повышали голос – но «вразии расточались яко туман ползучий». У нас была твёрдая такса: с тех, кто нам нравился, мы не брали ничего или почти ничего; зато на детках блаоты, банкиров, продюсеров и визажистов сильно поправляли кассу.

В какой-то момент я поймал себя на том, что перестал подбивать уголки на одеяле. Это было началом моего падения. Необязательность, расхлябанность, инертность вскоре стали обязательными составляющими моего нынешнего образа жизни...

Ну и козёл же в погонах я был раньше!

Впрочем, и Крис когда-то был суворовцем! Узнал я это потом, когда отмечали годовщину ихнего суворовского выпуска. Собралось народу немного, человек двадцать, зато охват был большой: глава ооновской комиссии, солист Мариинки (драматический тенор), водопроводчик, хозяин города Тюмени, автор памятника Фанни Каплан, секретный космонавт, рыбак с Дальнего Востока, начальник Иерусалимской полиции... А о дамах, которые украшали собой это сборище, я вообще промолчу, потому что никто не поверит.

Криса они держали за большого музыканта и возмущались, чего это он не выступает, когда теперь всё можно. Только один-единственный раз сыграл у Курёхина в «Поп-механике», произвёл фурор – и что? Крис только отругивался: пусть вам Вишняускас играет...

Чего-то они, видно, с этим Вишняускасом не поделили.

Ликование по поводу выпуска началось почти официально, но вскоре преобразилось в сон упоительный, магометанский рай; я уж и думать забыл, что такое возможно в действительности...

Короче, старички дали дрозда по-суворовски: не числом, а умением.

И убедился я, что именно предыдущее поколение, поколение пятидесятилетних, за короткий период хрущёвского послабления сумело хватить и, главное, усвоить столько свободы, сколько нам и не снилось, а нынешним – так просто не нужно...

Но это я отвлёкся.

События, которые перевернули всю нашу жизнь, начались достаточно тривиально: часа в четыре утра раздался звонок, а чуть попозже появился и сам клиент. Был он давним Крисовым приятелем, комсомольским начальником среднего звена, и я помню, как он слёзно просил Криса разыскать печать, пропавшую во время очередной комсомольской «случки». Теперь он гордо носил форменное новорусское пальто и кличку «Скачок». Физиономия его, вопреки науке анатомии, увеличилась раза в два, причём прежнее задорное личико странным образом сохранилось, будучи вписанным в сизо-багровые мясистые ягоды. И вот по этим ягодицам текли самые неподдельные слёзы.

– Крис, Крисюха... Ванька, блин... вы Коростыля помните? Ну, картины его – и у меня висят, и в этом... нефтеперегонном, как его?... Центре Помпиду, и в галерее Гугенхайма...

– Помним, – ответил Крис за нас обоих.

– Опять, дурачок, сбежал из психушки. Позавчера ещё сбежал, а хватились только утром вчерашним, козлы, за что я им платил, не знаю, а мне только вечером позвонить решились – не гостит ли такой у вас... он уже, считай, сутки как мёртвый, а они звонят, представляешь? Он же всегда ко мне прибегал, а сейчас вот – не дошёл. Он же доверчивый был, Серёга... Замочили его по дороге какие-то уроды. И не просто замочили... а с выдумкой...

– Рассказывай, – потребовал Крис, и Скачок, давясь слезами, стал рассказывать.

С Сергеем Коростылёвым они были друзья с детства, вместе лазали по чердакам и подвалам, вместе когда-то попробовали портвейн и сигареты. Уже в средних классах Серёга рисовал лучше всех – и тогда же появились в нём первые признаки безумия. И то, и другое прогрессировало со страшной силой... Скачков же, пойдя сперва по комсомольской линии, а потом естественным образом перетекши в большую коммерцию, продолжал присматривать за другом – и по простой душевной склонности, и из корысти (картины Коростылёва дорожали просто-таки катастрофически), и – полагая не без оснований, что за деяние сие на Страшном Суде часть грехов ему спишут. И вот теперь – Серёга погиб страшной смертью. Какие-то нелюди затащили его в выселенный дом в Истре, раздели, подвесили за ноги и ножом просто исполосовали. Серёга истёк кровью. Как сообщили Скачку знакомые менты, такого рода убийства

по Москве и области случаются где-то раз в два-три месяца в течение уже лет пяти, если не больше, но резонанса не имеют, так как погибают в основном бичи и беженцы, и ещё ни разу напасть на след убийц не удалось. Дела эти на ментовском жаргоне назывались «висяк в квадрате». Предполагали, что это справляют обряды какие-то доморощенные сатанисты...

– Крис, ты пойми, я не прокурор, мне доказательства не нужны. Ты мне их только найди, гадов этих, сатанюг долбанных, ты мне на них только пальцем укажи... Ты же в эти сектыходишь, как на танке! Они же боятся тебя все! Ты же про них всё знаешь! Денег не жалеи, понял? Я за Серёгу... я им потом сам глотки перегрызу. Менты, может, найдут кого для отмазки, чтобы народ не шумел, – а мне нужны настоящие. А если менты и настоящих поднимут – то сделай так, чтобы ты нашёл раньше! Понял, Крис? Скажи, понял?

– Понял. Но ты же знаешь, что нам по уголовке работать запрещено?

– А что в этой стране вообще разрешено? Ты тут сам запрещён. И я тут запрещён. И Серёгу вот запретили...

Короче, мы взялись за это дело.

Работа была в разгаре. Крис курил, лёжа на козетке, и ловил носом выпущенный из рта дым. Я прикладывался к пузатой бутылочке «Хенесси».

– Кристофор Мартович, не забудьте: на четырнадцать часов запланирована встреча с товарищем Коломийцем, – оторвавшись от монитора, сказала старуха Хасановна, которую мы иногда между собой называли Халхинголовной. – По поводу приёма нового сотрудника.

– Секретарши, что ли? – рассеянно сказал Крис. – Так у нас уже есть секретарша.

– Было сказано: «оперативного сотрудника»...

– Забавно, – откликнулся Крис. – Иван, ты никого не заказывал?

– Не помню, – сказал я. – Вроде бы был какой-то разговор...

– Был телефонный разговор с товарищем Коломийцем о выделении вам постоянного сотрудника. Он состоялся вчера в девятнадцать сорок пять.

Железная леди Хасановна – Дора Хасановна Шварц – происходила из небольшого прайда самаркандских немцев. Было ей семьдесят лет, и за свою жизнь – пока не осела за столом нашего «розыскного бюро «Аргус»» – она возглавляла Первые отделы по крайней мере в десятке самых секретных советских «ящиков». С последним местом работы ей немного не повезло: это была какая-то хитрая сейсмологическая лаборатория в Ленинабаде. Как и множество подобных ей, Хасановна в одночасье осталась без жилья, без пенсии и без родни. Пару месяцев она скиталась по немилостивой Москве и к нам зашла лишь для того, чтобы попросить корочку хлеба. Как раз перед этим у нас кончились секретарши – их прошло много через приёмную, все они были молоды, красивы, владели языками и что-то слышали о компьютерах, – но ни одна не могла сдержать своих матримониальных позывов. Даже замужние, что вообще поразительно. Всем им хотелось окружать нас уютом, разводить растительность на наших окнах, развешивать занавески, кормить нас вкусной и обильной пиццей из ближайшего ресторана...

Так что Хасановна вошла в нашу дверь – и неожиданно для себя задержалась.

Благодаря ей мы наконец обрели свой стиль! Она сама долго ездила по комиссиям, разыскивая классическую конторскую мебель. Крис где-то добыл двадцатилетней давности бидон с краской буро-зелёного госпитального цвета и ею раскрасил панели. Я встроил компьютер в корпус телевизора «Радуга» – были такие, из красного дерева, их продавали только ветеранам... За какую-то неделю из нашей беспородной прихожей получился кабинет следователя ОГПУ/НКВД из голливудского фильма ужасов. Хасановна, оклемавшись немного, приделалась – и теперь принимала посетителей в строгом тёмно-сером костюме, ослепительной белизны блузке и чёрном галстуке-шнурочке. Однажды она постриглась в мужской парикмахерской под ёжик – и анфас стала напоминать Малькольма Макдауэлла, переодетого женщиной. В профиль же Хасановна была настоящим индейским вождём, только без перьев.

Курила она так много, что мы пошли на нарушение стиля и повесили под потолком кухонный воздухоочиститель.

Делопроизводство пришло в совершенный порядок: все документы составлялись по форме, и вечная угроза отъема лицензии, висящая над любым предприятием, подобным нашему, вдруг стала чисто теоретической. Устаканилась и бухгалтерия. Деньги от клиентов принимала Хасановна, и получить что-то на текущие расходы стало невероятно трудно... Впрочем, налоговая полиция, нагрянувшая однажды, тоже ушла не солоно хлебавши.

В каждой комнате висели огнетушители и аптечка, а в ванной – спасательный круг.

Ресторанная вакханалия быстро прекратилась, и даже разносчики пиццы забыли к нам дорогу. На кухне тоже воцарился порядок: в понедельник была гречневая каша с тушёнкой, во вторник – перловая с тушёнкой, в среду – рис с курицей, в четверг – вермишель с рыбой, в пятницу – пшёнка. В субботу и воскресенье мы были балуемы макаронами по-флотски, а к чаю полагался сахар...

Но самое больше впечатление на всех, и на нас в том числе, производил канцелярский стол. Был он размером с бильярдный, только что крытый не зелёным сукном, а чёрной кожей. Древесина отзывалась на постукивание звонко, почти как хрусталь. Поверхность украшали бесчисленные следы папиросных ожогов, стаканых доньшек, керосиновых ламп и неосторожно брошенных кипятильников. На внутренней стороне дверцы тумбы, вместившей всю нашу картотеку, была выцарапана надпись: «Я чист перед народом и пар...» – подкреплённая парой пулевых отверстий. Круглые сутки горела лампа зелёного стекла, с бронзовым литым основанием. Пепельница размером с больничное судно была оснащена хитрым устройством, бесследно поглощающим окурки. Чернильный прибор из фальшивой китайской бронзы и настоящего нефрита изображал один из эпизодов Великого Похода. Под толстым пуленепробиваемым стеклом разложены были календари, план-графики, расписания поездов и самолётов, а также десяток фотографий, изображавших бывших мужей Хасановны в порядке поступления; морды у мужей были такие, что даже товарищ Сталин, томящийся на открытке под тем же стеклом, чувствовал себя неудобно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.